

Россия — Китай: стратегические, военно-политические и экономические параметры партнерства 2019 г.

© 2019

С.Г. Лузянин

В статье анализируются ключевые тенденции развития российско-китайского стратегического партнерства на современном этапе. Особое внимание уделено исследованию военно-политического взаимодействия двух стран в условиях обострения современной международной обстановки и усиления американского давления на Россию и Китай. Автор освещает специфику российско-китайского взаимодействия в Евразии, других регионах мира, дает рекомендации по углублению российско-китайского стратегического и экономического партнерства.

Ключевые слова: Россия, Китай, безопасность, сдерживание, США, союз, партнерство, сопряжение.

DOI: 10.31857/S013128120007114-6

К вопросу о методологии и рамках исследований

Общая проблема, которая объединяет ученых-международников, политологов, социологов, экономистов, — определение рамок и ключевых трендов текущей картины мира и его ближайшего будущего. Сложность, а скорее всего невозможность ее реализации связана не только с быстро меняющимся характером мировой политики, но и с наличием разнонаправленных процессов, развивающихся одновременно и базирующихся в различных регионально-глобальных, международно-политических и методологических контекстах. Другими словами, мир глазами экономиста, историка, политолога, социолога воспринимается по-разному — каждый эксперт выделяет «свой» базовый алгоритм и из него выводит свою версию прочтения. Причем каждая версия объективна и имеет право на жизнь.

Современные международные отношения в нынешней неустойчивой и конфликтной среде могут быть объективно осмыслены в основном в отдельных (страновых, субрегиональных, отраслевых и пр.) опциях. При этом опции глобального анализа и прогноза не исключены, но они, как правило, успешно реализуются на основе и в сочетании альтернативных методик, методологий и профильных специализаций.

Подобные подходы характерны и для востоковедения, а также китаеведения как его органичной и неотделимой части. Наш интерес, в данном случае, сконцентрирован на современной российско-китайской проблематике, в которой также имеет место синтез различных факторов — от глобальных (геополитических, военно-стратегических, экономических др.), до регионально-страновых. Принципиально важным явля-

Лузянин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, директор Института Дальнего Востока РАН. E-mail: Lousianin@ifes-ras.ru.

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-014-00039.

ется анализ двух ключевых позиций: а) изучение набора ситуативных явлений, которые не имеют долгосрочной перспективы развития, б) анализ стратегических, системных процессов, определяющих долговременную матрицу российско-китайского взаимодействия. Системные, базисные факторы, на наш взгляд, существуют в сфере межкультурного общения двух государств и народов, сохраняя свою сущность вне зависимости от государственно-идеологической оболочки их субъектов взаимодействия — России и Китая. Текущий, ситуативный ряд факторов и процессов, несмотря на внешнюю важность и «судьбоносность», фактически является лишь отражением времени, его специфики на сегодняшний и завтрашний день. В данном случае речь пойдет скорее об изучении именно текущего ряда явлений в российско-китайском стратегическом партнерстве, в особенности его военно-стратегических параметров, что не снижает актуальности и важности поставленной задачи.

Военно-стратегические параметры. Новое качество сдерживания Америки

Современная картина российско-китайских отношений складывается на фоне важных юбилеев двух стран — 70-летия установления дипломатических отношений и 70-летия образования КНР, а также общей неустойчивой и противоречивой мировой политики.

Положение России и Китая в системе глобальных военно-стратегических, экономических и геополитических вызовов определяется, на наш взгляд, следующими факторами.

– Сложившейся структурой международного разделения труда, в центре которой традиционно были Европа и США и которая в последние годы стремительно деформируется, порождая новую идеологию глобального управления¹. Основным риском в 2019 г. представляется неопределенность мировой политики на фоне фрагментации мирового экономического порядка. Антироссийские санкции и торговые противоречия между КНР и США представляют угрозу не только собственно России и Китаю, но и многосторонней торговле и международному управлению. При этом международные организации (ВТО, ВБ, МВФ) давно нуждаются в реформах, чтобы отразить объективные изменения в мировой экономике, включая интересы стран с формирующейся рыночной экономикой. Очевидно, что повестку ВТО следует дополнить соглашениями по информационным технологиям, по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности и др. РФ и КНР выступают за реформирование этих институтов с учетом новых реалий.

– Разрушительным влиянием нынешнего американского фактора на глобальную и региональную безопасность, определением России и Китая в качестве основных стратегических противников США. В феврале 2018 г. в Обзоре ядерной политики США было отмечено, что «Россия и Китай пополняют арсеналы новыми видами ядерных средств, повышают роль ядерных сил в стратегиях и планах и ведут себя все более агрессивно, в том числе в космосе и киберпространстве»². Американская администрация, ссылаясь на рост угроз со стороны России и Китая, говорит о необходимости повышения гибкости американских ядерных сил, в том числе установки боеголовок малой мощности на часть баллистических ракет подводных лодок и возвращения на вооружение крылатых ракет морского базирования в ядерном оснащении³. В этих условиях ключевой задачей двух стран стало формирование нового качества сдерживания Соединенных Штатов Америки и их союзников. Со стороны Москвы и Пекина процессы этого сдерживания стали охватывать не только традиционные военно-стратегические сферы, но и приобретать некий специализированный характер. Так, Россия оппонирует США и их союзникам в области передовых ракетно-ядерных вооружений, урегулирования региональных конфликтов

и других вопросов; Китай же действует в сфере мировых финансов, экономической интеграции и регионализации.

— Демонтированием договорных основ двустороннего (Россия — США) и многостороннего военно-стратегического сдерживания. Очевидно, что уничтожение американцами основ системы контроля над вооружениями не в интересах Китая, который официально никогда не входил в переговорные процессы по ядерному оружию между РФ и США. Москва и Пекин являются членами Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), формат которого активно поддерживают, хотя понимают, что процесс нуклеаризации быстро распространяется по планете, приводит к образованию неофициальных ядерных государств, число которых быстро растет. Китай скорее всего будет и дальше продвигать политику «неприсоединения» к российско-американскому переговорному процессу по ракетам разных классов и радиусов действия, несмотря на усилия Вашингтона вовлечь Пекин в стратегический переговорный процесс, превратив двусторонние форматы ДРСМД и СНВ в трехсторонние. Китай вкладывал огромные ресурсы в развитие ракет средней и малой дальности на протяжении десятилетий, чтобы компенсировать американское превосходство в авиации и флоте. В настоящее время КНР вступила в фазу активного строительства и наращивания стратегических ядерных сил⁴.

— Поиском Россией и Китаем оптимального формата партнерства, который, с одной стороны, сохранял бы «свободу рук» в отношениях с третьими странами, а с другой — отвечал старым и новым вызовам, угрозам безопасности двух стран. 14 февраля 1950 г. СССР и КНР был подписан известный «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи», 16 июля 2001 г. Договор «О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» между РФ и КНР, оформивший стратегическое партнерство и доверительное взаимодействие. Между этими двумя датами — эпоха союзничества, взаимопомощи, вооруженных конфликтов, идеологических противостояний, нормализации и стратегического партнерства. Другими словами, исторический отрезок в 51 год вобрал весь спектр межгосударственных отношений: от союза и конфликтов до нормализации и партнерства.

В настоящее время в отношениях двух стран фактически стирается грань между моделями стратегического партнерства и союзничества. Внешние вызовы и угрозы (прежде всего, со стороны США) подогревают в обществах и СМИ России и Китая тенденцию в направлении союза. При этом в российских и китайских правящих элитах доминирует мнение о том, что союзнические отношения нежелательны, поскольку предполагают жесткие взаимные обязательства и ограничение в отношениях с третьими странами. При этом есть общее понимание, что действующий Договор 2001 г. (продлонгация через 2 года) необходимо расширить и дополнить. Видимо, речь пойдет в первую очередь о ст. 9 договора.

В статье 9 говорится: «В случае возникновения ситуации, которая, по мнению одной из Договаривающихся Сторон, может создать угрозу миру, нарушить мир или затронуть интересы ее безопасности, а также в случае возникновения угрозы агрессии против одной из Договаривающихся Сторон, Договаривающиеся Стороны незамедлительно вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы»⁵. Очевидно, что содержание статьи уже не отвечает уровню безопасности двух стран, потребуется диверсификация не только текста договора, но и всей двусторонней военно-технической повестки, качественное углубление сотрудничества на данном направлении.

Рассуждения ведущих российских экспертов в сферах военной безопасности Китая относительно перспективности или неперспективности российско-китайского союза касаются в основном идеи об «устаревании» классических военных союзов, их правовой противоречивости и формировании в российско-китайских отношениях фактически неформального «квазисоюза», который по сути уже сегодня выполняет сдерживающую третьи страны роль. «Старые союзы, — отмечает известный эксперт В.Б. Кашин, — соб-

ственно, и строились вокруг общей цели (общего врага) на определенное время и не исключали разности интересов по второстепенным направлениям политики... Подобные второстепенные противоречия не исключают упорной совместной борьбы во имя общей цели. Таким образом, качественный сдвиг в российско-китайских отношениях в военно-политической сфере уже произошел в период 2018–2019 гг. Окончательная формализация союзнических отношений может произойти в перспективе, а может и не произойти никогда, по сути это мало что изменит»⁶.

В этой парадигме — формирования нового типа «полусоюзнических отношений» между Россией и Китаем происходит обновление и наполнение *военно-стратегической повестки* двух стран. Явным дополнительным стимулом к ее углублению стало официальное решение руководства США (2018) об определении Китая и России в качестве главных военно-стратегических противников Америки. Стороны, начиная с 2018 г., перешли к дополнительным формам военного сотрудничества, которые позволяют говорить о новом качестве отношений. В ближайшее время можно ожидать заключения нового соглашения о военном сотрудничестве между РФ и КНР, которое заменит соглашение 1993 г. Россия завершила поставки в КНР 24 истребителей Су-35С и заканчивает поставки комплекса ПВО С-400. Регулярный характер принимают стратегические учения: «Восток-2018», в текущем году — «Центр-2019». Наряду с этим продолжается проведение совместных учений («Морское взаимодействие», «Воздушно-космическая безопасность» и др.). Регулярным стало боевое патрулирование дальней бомбардировочной авиации двух стран над Тихим океаном. Находится в стадии обсуждения вопрос о проведении совместных учений в различных точках мира, например, на Ближнем Востоке, создании военно-морских баз на дальних рубежах.

Китайцы вполне осознают, что стоят на пороге гонки ядерных вооружений в Азии, где их противником будут США, которые в настоящее время заняты активным поиском мест размещения в Азии ракетного оружия средней дальности наземного базирования. Для Китая поддержание с Россией высокого уровня военно-стратегического взаимодействия стало одним из ключевых приоритетов национальной безопасности. Понятно, что Китай исходит прежде всего из собственных интересов и российский стратегический потенциал рассматривается Пекином в контексте китайской безопасности. При этом и Россия рассматривает китайский стратегический фактор с точки зрения своих интересов. Сложение этих интересов дает важный политический баланс взаимодействия России и Китая в сфере стратегической, военной безопасности.

Большая Евразия: безопасность и сопряжение

Достаточно новой и чрезвычайно сложной проблемой в российско-китайских отношениях является формирование так называемого *Большого Евразийского пространства* (БЕП), или *Большой Евразии*, в котором Россия и Китай выступают в качестве ключевых акторов. Институционально данный процесс развивается в рамках взаимодействия двух основных континентальных проектов — Евразийского экономического сообщества (ЕАЭС) и китайской инициативы «Один пояс, один путь»⁷. Инициатива Одного пояса — это долговременная стратегия китайского освоения Евразии, выход Поднебесной во вне⁸. Поэтому проект несет для России и вызовы, и определенные риски, и возможности в плане использования китайского потенциала для собственного развития.

До 8 мая 2015 г., то есть до подписания Совместного заявления двух стран о запуске механизма сопряжения между ЕАЭС и Китаем, Пекин достаточно критично воспринимал деятельность Евразийского сообщества. Многие китайские эксперты говорили о возможной конкуренции ЕАЭС и китайской инициативы Одного пояса. В настоящее время Совместное заявление между ЕАЭС и Китаем является важным политическим

компромиссом двух стран на признание (де-юре и де-факто) равных прав на самостоятельное развитие обоих проектов и их сопряжение /стыковку, взаимодействие.

Экономическая часть «сопряжения», которая предполагает, в том числе, совместное развитие транспортной инфраструктуры, торговли и инвестиций, пока отстает от политической части. Наблюдается китайское превосходство в сфере торговли, инвестиций и транспортно-логистических операций, преимущественно идущих через Казахстан и другие государства, минуя восточную часть российского Транссиба⁹.

При этом реализация сопряжения происходит на фоне активной инфраструктурной и инвестиционной политики Китая в государствах Центральной Азии и других субрегионах¹⁰. Россия явно уступает КНР в этой конкуренции, сохраняя свои позиции в основном в сфере безопасности в регионе благодаря формату ОДКБ. Отношения ЕАЭС и Китая пока строятся на не преференциальной основе, что было формализовано и подтверждено в рамках соглашения между ЕАЭС и КНР от 17 мая 2018 г. о развитии торгово-экономического сотрудничества с евразийским союзом.

Для России, как считает большая часть российских экспертов, создание зоны свободной торговли между ЕАЭС и КНР — пока преждевременный шаг в нынешних условиях китайского экономического доминирования в регионе. При этом Пекин согласен на создание с ЕАЭС зоны свободной торговли в отдаленной перспективе¹¹.

Региональная повестка

Международная (региональная) повестка строится на общности подходов России и Китая по принципиальным вопросам современного миропорядка и ключевым международным проблемам, включая ситуацию на Корейском полуострове, в Афганистане, на Ближнем Востоке, в Северной Африке, в Латинской Америке. Позиции совпадают или близки. Особую ответственность Москва и Пекин чувствуют за положение дел в АТР. Совместные усилия двух стран привели к расширению ШОС (за счет вступления Индии и Пакистана) до 8 постоянных членов и диверсификации повестки БРИКС. Оба этих проекта отражают *рост регионального и глобального веса России и Китая в мире*¹².

Для России особую значимость имеет укрепление ШОС не только в плане усиления региональной безопасности (борьба против трансграничного терроризма, вопросы Афганистана, страны Центральной Азии и др.), но и континентальных перспектив обустройства Большого Евразийского пространства. Явной альтернативой региональным интересам России и Китая в АТР выступает новый проект Вашингтона — Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) в составе США, Индии, Австралии и Японии. Очевидно, что формируется многоуровневая конфликтная среда в экономико-интеграционных, финансово-технологических, военно-политических и институциональных сферах, в которой китайско-американское противостояние, видимо, будет ключевым, длительным и системным.

Приоритетным в международной региональной повестке является развитие координат в рамках стратегического треугольника Россия — Индия — Китай. Сформирован механизм регулярных встреч руководителей, премьер-министров, министров иностранных дел трех стран. Формат РИК фактически формирует ядро Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и рамки евразийского сотрудничества, в котором Индия пока относительно новый участник.

Торговля, инвестиции, наука и образование

В *двусторонней российско-китайской торговле* в 2018 — первой половине 2019 г. сохранялись противоречивые тенденции. С одной стороны, скачок нефтяных цен привел в 2018 г. к резкому (на 27,1%) увеличению товарооборота до 107 млрд долл. с появлением у России небольшого положительного сальдо в 4 млрд долл. При существенном росте поставок в КНР минерального топлива и ряда сельхозкультур имел место рез-

кий спад в российском экспорте (до 1%) отдельных видов гражданской машино-технической продукции. Статистика 1 кв. 2019 г. показывает, что тенденции к спаду гражданских машино-технических поставок в Китай ослабли, есть небольшой рост. Растет сотрудничество в научно-технической сфере, увеличивается интерес китайских высокотехнологичных компаний к российскому рынку, российскому инновационному потенциалу (закупка «Хуавэй» российских активов в сфере искусственного интеллекта) и осуществлению совместных проектов. В настоящее время сняты технические ограничения и барьеры для сельхозимпорта из России (рис, соя, кукуруза и др.).

С другой стороны, полностью сохраняются диспропорции — доминирование ресурсно-сырьевой в российской и машино-технической продукции в китайской части двусторонней торговли. В 2019 г. данная тенденция при дальнейшем увеличении общего товарооборота будет нарастать. Подобная модель, сложившаяся еще в 1990-е годы, объективно отражает *асимметрию экономических потенциалов и структуры экономик двух стран*. Очевидно, что необходима диверсификация российского экспорта и развитие совместных проектов в сферах высоких технологий и пр.

Слабым местом на российско-китайском экономическом треке остается *инвестиционное сотрудничество*. Уровень взаимодействия пока не соответствует ожиданиям сторон. Среди факторов, увеличивающих издержки бизнеса в России, недостаточный уровень защиты прав собственности, сложность процедур доступа к финансовым услугам, недостаточный уровень правоохранительной деятельности, бюрократизм и пр.

Многие российские и китайские эксперты справедливо ссылаются на вполне успешный опыт Китая при реализации различных инвестиционных проектов в других странах и регионах. Так, в 2017 г. объем общемировых исходящих *прямых нефинансовых инвестиций из Китая* составил 120,1 млрд долл., что на 29,1% ниже по сравнению с 2016 г. В 2017 г. деньги были направлены на развитие 6236 предприятий в различных странах мира. Объем *портфельных инвестиций* за рубежом в 2017 г. составил 102,1 млрд долл. Китай подписал инвестиционных соглашений на реализацию 782 проектов на сумму 197,7 млрд долл.¹³.

В отличие от российско-китайской торговли, объем прямых китайских инвестиций в Россию в 2018 г. сократился. По оценкам экспертов, объем ПИИ из КНР в Россию с января по июнь 2018 г. снизился на 24% по сравнению с аналогичным периодом 2017 г. Объем китайских инвестиций в Россию значительно превышает российские инвестиции в Китай. Китайские инвесторы в России в основном вкладывают средства в энергетический, сельскохозяйственный, строительный сектора и в сферу легкой промышленности. Российские инвестиции в Китае направлены преимущественно в производственную отрасль, сектор строительства и транспортных перевозок¹⁴.

Многие китайские эксперты как один из вариантов снижения рисков и барьеров на пути российско-китайского инвестиционного и торгового сотрудничества предлагают создание зоны свободной торговли (ЗСТ) между двумя странами. В частности, следует разработать совместное технико-экономическое обоснование для постепенного продвижения переговоров по российско-китайскому соглашению о ЗСТ¹⁵.

Если сравнить объемы накопленных прямых китайских иностранных инвестиций в отдельных западных странах за 2005–2017 гг., очевидно, что Россия значительно отстает по данному показателю.

В декабре 2018 г. Министерство финансов РФ сообщило о планах размещения государственных облигаций в юанях в 2019 г. Стороны на экспертном уровне продолжают обсуждение проблемы снижения зависимости от универсальной платежной системы SWIFT. Создание российско-китайского аналога позволило бы снизить уязвимость финансовых систем двух стран. Первым шагом в данном направлении стала в 2018 г. эмиссия Всероссийским банком развития регионов карт «Union Pay—Мир». Использование таких карт позволяет осуществлять транзакции на территории России

с помощью платежной системы «Мир», за границей оплата происходит через Union Pay. В России также запущен платежный сервис Alipay и другие способы оплаты. Однако пока не удалось решить проблему отказа в осуществлении операций или удлинения срока транзакций со стороны китайских банков по отношению к российским компаниям и физическим лицам¹⁶.

Таблица

**Распределение объема накопленных инвестиций Китая за 2005–2017 гг.
по отдельным странам, млрд долл.**

Страна получатель	Объем инвестиций
США	171,04
Великобритания	72,39
Швейцария	60,01
Бразилия	54,56
Канада	49,42
Россия	38,15

Источник: *Does China Dominate global investment?* URL: <https://chinapower.csis.org/china-foreign-direct-investment/> (Эти данные намного превышают официальные данные китайской статистики. — Авт.)

Гуманитарное и научно-техническое сотрудничество двух стран носит многоплановый, комплексный характер. В рамках визита Си Цзиньпина на Петербургский экономический форум (июнь 2019) было подписано Совместное заявление об отношениях всестороннего стратегического сотрудничества в новую эпоху. Документ содержит большой раздел о гуманитарном сотрудничестве из 11 пунктов, охватывающих сферы образования, молодежных обменов, здравоохранения, культуры и искусства, спорта (включая подготовку к зимней Олимпиаде 2022 г. в КНР), туризма, охраны природы, лесов и редких животных, увековечения памяти героических деятелей и т.д.¹⁷ Гуманитарное сотрудничество осуществляется не только за счет контактов на высшем уровне, но и на среднем и низших этажах.

В 2018–2019 гг. объявленных годами межрегионального сотрудничества, создано 135 пар городов-побратимов, дружественных провинций и краев. По последним данным, китайских студентов, обучающихся в вузах РФ, насчитывается около 30 тысяч¹⁸. Китайские студенты занимают второе место в России, уступая только студентам из Казахстана. Количество российских студентов в КНР немного не дотягивает до 20 тысяч. По данным на 2019 г., в России действуют 19 Институтов Конфуция и 5 кабинетов Конфуция. Россия же в КНР открыла 35 центров русского языка и культуры. В Китае русский язык преподается в 153 вузах и в 83 средних учебных заведениях. В России по статистике китайский язык преподается в 230 учебных заведениях, общее количество изучающих китайский язык — 26 тыс. человек.

В ежегодных докладах РСМД¹⁹ о состоянии российско-китайских отношений отмечалась пилотная роль Совместного университета МГУ — Пекинского политехнического института (ППИ) в Шэньчжэне. 18 июля 2019 г. состоялось подписание Дорожной карты сотрудничества Российской академии наук и Академии наук Китая²⁰, участники подписания — президент РАН А.М. Сергеев и президент КАН Бай Чунли. «Этот документ предусматривает договоренности о следующих проектах: совместные морские экспедиции в Южно-Китайское море и восточную Арктику для установления источников выбросов метана; научное сотрудничество по изучению Тибетского плато; исследования деятельности мозга и другие», — отмечалось в сообщениях информационных агентств²¹.

Итоги и рекомендации

— Россия и Китай должны выступать против фрагментации международных отношений, поддерживать открытость и свободу торговли, укреплять центральную роль ООН, систему международного права, реагировать на опасные тенденции демонтажа механизмов глобального управления. Россия и Китай, несмотря на экономические санкции и торговые войны, пока не могут игнорировать роль западных рынков, капитала, технологий в обеспечении экономической безопасности и развития.

— В настоящее время просматривается два сценария эволюции модели российско-китайских отношений: а) превращение Договора 2001 г. в союзнический при возникновении форс-мажорных обстоятельств; б) радикальное углубление формата стратегического партнерства за счет дальнейшей военно-политической интеграции. Неизбежна диверсификация договора 2001 г. и формирование некоего квазисоюза, основанного не на обязывающем договоре, а на политическом консенсусе. Текущий анализ указывает на большую вероятность данного сценария.

— Российско-китайские отношения в военно-политической сфере достигли такого уровня развития, что даже при отсутствии формального военного союза противник, готовящий нападение на одну из стран, должен будет принимать во внимание различные варианты совместного реагирования России и Китая. Подобная *стратегическая определенность* уже оказывает существенное сдерживающее влияние на поведение США.

— Развитие российско-китайского взаимодействия в Большой Евразии, углубление торгово-инвестиционного, инфраструктурного развития континента — стратегическая цель обоих государств. Россия, являясь ядром Евразии, имеет объективные возможности стать системообразующим звеном трансконтинентальных перевозок и региональной интеграции.

— Принципиально важной задачей на перспективу является внутренняя сбалансированность российско-китайских отношений с точки зрения экономики и безопасности. Возможности выравнивания торгового баланса связаны с необходимостью *диверсификации российского экспорта*, совместным развитием цифровой экономики, развитием высоких технологий и сотрудничеством в Евразии. Учитывая остроту американо-китайской торгово-тарифной войны, для России возникают дополнительные «окна возможностей» расширения экспорта сельхозпродукции и ряда других отраслей. Российским производителям необходимо создавать на территории Китая «систему доводки» своих товаров до потребителя — дистрибьюторские сети и пр.

— Для увеличения объема инвестиций Китая в России требуется создание стабильных и прозрачных условий для инвестирования, включая возможность для инвесторов зафиксировать условия ведения проектов на длительный промежуток времени (речь идет о фиксации налогов, определении количества административных процедур и т.д., с тем чтобы они не менялись в течение длительного периода времени). Снижение неопределенности, упрощение процедуры позволит повысить ожидаемую доходность того или иного планируемого проекта.

— Для России и Китая все более актуальным становится углубление и расширение научных связей и повышения эффективности взаимодействия в области прикладных технологий. К приоритетным сферам научной кооперации относятся космонавтика, атомная энергетика, предотвращение природных катастроф и их последствий, борьба с загрязнениями воды и воздуха, геопространственные технологии, новая и возобновляемая энергия, биотехнология и биомедицина, ядерная физика, океаническая и полярная науки, нанотехнологии, фотоника и проекты в области искусственного интеллекта.

— Тысячелетний политический менталитет Поднебесной лежит в основе китайских шагов в отношении России и других стран. Очевидно, что в рамках двустороннего российско-китайского партнерства просматривается прагматизм Китая и его собствен-

ные интересы. Россия должна также выстраивать диалог на основе собственного прагматизма, своих интересов развития и своей безопасности. В данной констатации нет противоречия, поскольку наличие собственных «параллельных» интересов у России и Китая не противоречит общей взаимовыгодной российско-китайской повестке, в которой ключевыми параметрами являются: общая безопасность, взаимное право на развитие и равноправное сотрудничество. Ключевыми балансирами российско-китайских отношений для России на ближайшую и отдаленную перспективу являются сохранение роли РФ как мировой державы и укрепление ее военно-стратегических сил.

— На фоне углубления всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия Россия и Китай в 2019 г. отмечают 70-летие установления дипломатических отношений. Глобализация и регионализация двусторонней повестки не означает, что Москва и Пекин пытаются восстановить один из «полюсов» классической биполярной системы эпохи холодной войны. Принцип функционирования российско-китайского партнерства — это наращивание совместных возможностей в сфере защиты суверенитета, укрепления безопасности двух стран и соработности.

1. По мнению китайской стороны, посредством инициативы Пояса и пути КНР бросила вызов модели разделения труда и структуре управления, в которой доминирует Запад. Китай предлагает свою концепцию общего развития, включающую «сообщество единой судьбы человечества» и «сообщества развития».
2. Обзор ядерной политики. Февраль 2018 г. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872876/-1/-1/1/EXECUTIVE-SUMMARY-TRANSLATION-RUSSIAN.PDF>.
3. WSJ: США разрабатывают новую крылатую ракету морского базирования для сдерживания России и Китая // Взгляд. Деловая газета. 16.01.2018. URL: <https://vz.ru/news/2018/1/16/903684.html>.
4. Hans M. Kristensen, Matt Korda Status of World Nuclear Forces. URL: <https://fas.org/issues/nuclear-weapons/status-world-nuclear-forces/>.
5. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР // Российская газета. 17.07.2001.
6. *Кашин В.Б.* Россия и Китай: союз или стратегическая неопределенность? 19.08.2019. URL: <https://www.russiancouncil.ru/vasiliy-kashin/>.
7. Китайская инициатива, в отличие от ЕАЭС, не является институционализированным проектом. Она представляет собой комплексное продвижение на континенте китайских товаров, услуг, капиталов, создание новой и обновление старой транспортной инфраструктуры, ориентированной на развитие Китая и сопредельных стран и регионов.
8. В течение тысячелетий Поднебесная империя была центром Азии и большинство соседних народов и государств рассматривались ею как потенциальные или фактические вассалы. Многие западные и часть российских экспертов рассматривают реализацию проекта «Одного пояса», как завуалированную китайскую версию установления в будущем в Евразии экономического доминирования КНР.
9. См. подробнее: *Сазонов С.Л.* Транспорт КНР: место и роль в развитии национальной экономики. М.: ИДВ РАН, 2018. 344 с.; *Лузянин С.Г.* Экономический пояс Шелкового пути: взгляд из России // Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения / под ред. А.В. Лукина и В.И. Якунина. М.: Весь Мир, 2019. С. 57–89.
10. Китай инвестирует в страны «Одного пояса» в год примерно 12% совокупного объема прямых иностранных инвестиций, которые в 2017 г. составляли 120,1 млрд долл. URL: <http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/>.
11. Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения / под ред. А.В. Лукина и В.И. Якунина. М.: Весь Мир, 2019. 401 с.

12. См. подробнее: *Лузянин С.Г.* Россия — Китай: формирование обновленного мира: монография / С.Г. Лузянин; отв. ред. академик В.С. Мясников; предисл. В.А. Никонов. М.: Весь Мир, 2018. 328 с.
13. *Кашин В.* Много ли Китай инвестирует в Россию? URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/mnogo-li-kitay-investiruet-v-rossiyu>.
14. Российско-китайский диалог: модель 2019: доклад № 46/2019/ (С.Г.Лузянин — рук. и др.; Х. Чжао — рук. и др.; гл. ред. И.С.Иванов) / Российский совет по международным делам (РСМД). М.: РСМД, 2019. С. 57–58.
15. Там же. С. 42–43.
16. Российско-китайский диалог: модель 2019: доклад № 46/2019/...С. 64–65.
17. URL: <http://finance.eastmoney.com/a/201906061144311135.html>.
18. Чжун Э цзяюй хэцзо сяньчжуан юй юаньцзин: [Современное состояние и перспективы сотрудничества Китая и России в сфере образования] // Гуанмин жибао. 13.06.2019.
19. Российско-китайский диалог: модель 2019: доклад № 46/2019...
20. В КНР существуют академия наук Китая (естественно-технические науки) и Китайская академия общественных наук (КАОН) — гуманитарные направления (экономика, история, философия, международные отношения и др.). На академическую науку в КНР ежегодно тратится 2% ВВП страны (около 13 трлн долл.)
21. URL: <http://www.ipgg.sbras.ru/ru/news/ran-i-akademiy-nauk-kitaya-podpishut-dorozhnuyu-18072019>.